

ДОЛОЙ КАНТА! ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМАНОФОБИЯ В РОССИИ

Владимир Прохорович Булдаков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
E-mail: kuroneko@list.ru

 Аннотация. Первая мировая война вызвала смуту в умах российских философов. Одной из наиболее эксцентричных ее проявлений стала попытка связать ее происхождение с наследием И. Канта. При этом славянофильская струя в общественном сознании приняла характер откровенной германофобии. Провоцирующую роль в этом сыграли выступления молодого религиозного философа В.Ф. Эрн.

 Ключевые слова: Первая мировая война, германофобия, Л.Н. Андреев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М. Горький, И.А. Ильин, П.Б. Струве, Н.В. Устрялов, В.Ф. Эрн

 Ссылка для цитирования: Булдаков В.П. Долой Канта! Первая мировая война и философская германофобия в России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 101–122.

 DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-101-122

6 октября 1914 года 33-летний философ Владимир Францевич Эрн выступил в Москве с публичной лекцией «Кризис современной Германии», снабженной парадоксальным подзаголовком: «От Канта к Круппу». Первоначально он хотел назвать ее «Бронированный свищ», однако название показалось устроителям чрезмерно эпатажным (Ильин, 1999: 84). Эрн, конечно, критиковали. Тем не менее образ «пушечного короля» А. Круппа — якобы духовного наследника немецких философов — привился. «Под железную пятой крупповщины умерла Германия мыслителей», — уверял Леонид Андреев. Признав, что в рассуждениях Эрна присутствуют «излишняя поспешность и резкость в выводах» (Андреев, 1914: 9, 108), с общим ходом его мысли он согласился. В обстановке первых месяцев Великой, как тогда говорили, войны эскапада Эрн была лишь малой частью официальной, официозной и самодеятельной германофобии. Однако в своей «философской» ипостаси она проливали свет на некоторые особенности психологии русской интеллигенции.

Отношение российских элит к немцам и немецкой культуре всегда было амбивалентным. Они охотно пользовались ее плодами — как материальными, так и духовными, — но принципы «дисциплинирующего насилия», заложенные в ее основаниях, вызвали подсознательное отторжение. Л.Н. Андреев так сформулировал это в письме (перлюстрированном цензурой) И.С. Шмелеву в октябре 1914 года: «Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии, немецкий же — стремление к вечному порабощению, к созданию на земле вечной тюрьмы и военных поселений. И уж, конечно, вовсе не следует искать здесь “национализм”, который также привезен к нам из Германии, ...и враждебен свободному духу нашему. Свобода для всех, а тюремщиков к черту!» Сам Андреев стоял на «патриотических» позициях и даже пользовался деньгами царского правительства для соответствующей пропаганды. В то же время он полагал, что сможет кое-что написать «меж строк», а именно что «разгром Германии будет разгромом и всеевропейской реакции, и началом целого цикла европейских революций»¹.

Так или иначе, для русской интеллигенции тогдашний всплеск ненависти к «немцу» был отражением отношения к «своей» власти. Тогдашнее смятение умов обострило ситуацию. Как писал в начале октября 1914 года некий анонимный автор (по-видимому, ссыльный), настроения меняются так быстро, что «становишься на минуту ярим патриотом своего отечества, ...то наоборот». Лично ему трудно было уяснить себе, «где наши враги и на какой стороне наши друзья. Кто на самом деле возьмет на себя смелость учесть, что

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23–23 об.

даст нам победительница Германия и что можем мы ожидать от победившей России?»²

Вольно или невольно, российская власть поставила часть своих подданных перед выбором между главным и второстепенным «врагом». При этом она ухитрилась до такой степени раздражить общественность, что последняя стала склоняться к заключению: надо разобраться с врагом внутренним, чтобы победить врага внешнего. А пока германофобствующие философы продолжили свои нескончаемые, как казалось, споры.

Как ни странно, Эрн, считавший себя последователем Владимира Соловьева, был не чужд революционных настроений. Задолго до войны, в возрасте 25 лет он стал одним из основателей «Христианского братства борьбы». Под влиянием событий 1905 года, в ходе которых гапоновщина причудливо перемешалась с социал-демократизмом, он попытался обосновать «православный» взгляд на революцию. Такое в России случалось, феномен «красного попа» был известен (Леонтьева, 2008: 222–234), хотя идеи христианского социализма в России, в отличие, скажем, от Германии, не привились.

Ход рассуждений Эрна был таков: поскольку христианское мировидение эсхатологично, то будущее — это «не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение — и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия» (Эрн, 1991: 218). Впрочем, автор статьи с вызывающим названием — «Идея катастрофического прогресса» — отказался от экстраполяции таких представлений на будущее России. Можно, однако, предположить, что дискурс Эрна был реакцией на веру «атеистической» русской интеллигенции в «чудо» общеевропейского эволюционного прогресса. Характерно, что самого Эрна раздражали *светский характер* рассуждений Синода и занятая им «позиция “просвещенности”» (Эрн, 1917: 10, 12). В сущности, в этом не было ничего удивительного: одаренных молодых людей в России периодически «заносило», а их критические выпады приобретали безапелляционно-непримиримый характер.

Слева к появлению подобных германофобских манифестаций были готовы заранее. В августе 1914 года из Парижа социал-демократу В.П. Акимову-Махновцу писали: «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царем против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина, — и забывая, что нельзя уничтожить германство — родину Вагнера и Бетховена, Канта и Гете»³.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 27.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 100.

С началом войны Эрн активизировался. В начале сентября 1914 года он заявлял о желании организовать лазарет имени В. Соловьева (Кейдан, сост., 1997: 594) — жест вполне демонстративный на фоне тогдашних поспешных и беспорядочных каритативных начинаний. Создавалось впечатление, что былой религиозный «революционаризм» Эрна приобрел характер германофобского озлобления. «Милый в личном общении, был дубоват, грубоват в своих дурных полемиках, <...> ужасал корявым строением фраз» (Белый, 1990: 496), — так характеризовал Эрна Андрей Белый.

Восприятие войны как своего рода революции было характерно для многих европейских интеллектуалов. Даже через 20 лет после ее окончания германский историк Вильгельм Шюслер с восторгом вспоминал о «великой немецкой революции, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне» (Корнелисен, 2007: 278). Так или иначе, понятия революции и войны смешались. Некий присяжный поверенный Н.П. Розанов из Подольска в октябре 1914 года утверждал, что «настоящая война — это борьба не государств, а национальностей и культур; ...это не война, а революционное восстание народов против произвола бронированного кулака тевтона, посягающего на все культурные блага мира...» (Розанов, 1914: 8).

Лекция В. Эрна прозвучала в ноябре 1914 года на «религиозно-военном» митинге в публичном заседании Соловьевского религиозно-философского общества. Ему оппонировал председатель общества Г.А. Рачинский, считавший, что «немецкие зверства», о которых в то время трубили все, нисколько не затрагивают подлинной германской культуры. Другие соглашались с Эрном в том, что разразившаяся война «в своей глубочайшей духовной сути *столкновение всемирно-исторических начал*». С.Н. Булгаков даже уверял, что в результате ее произойдет «завершение целой мировой эпохи», разрушение европейской цивилизации «прежде всего в своей материальной основе». Напротив, С.Л. Франк, поддерживая антантовско-кадетские представления, говорил о «дефекте» славянофильского видения войны — она на деле является борьбой между защитниками права и силы. С.Н. Трубецкой склонялся к официальным лозунгам войны, мечтая о «всеобщем политическом освобождении всех поработанных национальностей», освобождение Европы Россией «от пут имперских» (Треушников, 2000: 219). Спектр отыскиваемых «смыслов войны» отражал многообразие ставших невозможными в мирной жизни надежд. Вместе с тем налицо было непонимание истоков европейской катастрофы: русская интеллигенция внутренне никак не могла согласиться, что наступил конец всей эпохи Просвещения, идеям которой они привыкли поклоняться.

За пределами круга философствующих публицистов на Эрна реагировали по-разному. В церковной прессе писали, что, согласно ему, 42-сантиметровая пушка является прямой наследницей «Критики чистого разума», а германский милитаризм — «есть коллективно осуществляемый... целую расою кантовский феноменализм». Вместе с тем отмечалось, что «доклад Эрна, ни более, ни менее, как остроумный парадокс», хотя Кант «не вполне безобидный мыслитель, и в его философии скрываются некоторые весьма разрушительные элементы». Вывод был характерным: «Делать Канта, горячей мечтою которого был вечный мир, ответственным за современный германский милитаризм — явное преувеличение», ибо на эту роль больше подходит Ф. Ницше⁴. На деле Ницше ненавидел воинственное пруссачество, однако православные теологи, пользуясь случаем, не преминули лягнуть «языческого» совратителя молодежи.

Все это было не ново. Еще в 1877 году Ф.М. Достоевский (которым восхищался Ницше) писал, что после разгрома Франции «германец уверен уже в своем торжестве всецело и в том, что никто не может стать вместо него в главе мира и его возрождения...» (Достоевский, 1983: 7). Теперь появилась масса эпигонов — сознательных и бессознательных — великого писателя. При этом никто не вспоминал Н.Я. Данилевского, который пылко провозгласил: «Какое историческое значение имел бы для нас Константинополь, вырванный из рук турок вопреки всей Европе!» Он был убежден, что «при нынешнем положении дел Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия... и союз их может быть союзом благословенным, потому что у обеих цель правая» (Данилевский, 2014: 426, 502).

«Вера в чудо» всегда имплицитно присутствовала в сознании россиянина. В значительной степени оно связывалось с возможностями самодержавной, а потому «всемогущественной» власти. И эта вера обострялась в критические моменты истории. Тем сильнее оказывалось последующее разочарование.

Что касается Эрна, то он основательно рассердил либералов, которые, как правило, связывали с войной более прагматичные планы. «Содержание доклада было, в сущности, столь нелепо, что даже как-то не вызывало возмущения — во мне, по крайней мере..., — писал будущий «сменовеховец» Н.В. Устрялов. — Но некоторым оно весьма нравилось, и многие, пожалуй, большинство — считали доклад “блестящим”». Удивляться этому не приходилось. Наступило время «простых истин» (то есть несбыточных надежд) — Эрн попал в струю. Споры продолжились. «...Через несколько дней было... заседание общества в морозовском особняке [особняк известной меценатки М.К. Морозовой. — В.Б.]... Речи наши прозвучали тогда почти скандально: они проникнуты были не злобой, а не-

⁴ Церковный вестник. 1914. № 43. С. 1296–1297.

скрываемым уважением к врагу — Германии. Казалось, что на полузакрытом заседании религиозно-философского общества можно говорить без демагогии...» Говорили даже, что «в этой ужасной, роковой войне немецкие армии “проявляют не тевтонскую грубость, а римскую доблесть”. Ключников [профессор-правовед, кадет Ю.В. Ключников. — В.Б.] признавался, что горячее желание русской победы не мешает ему тосковать по свежей немецкой книжке и впечатлениям немецкой жизни...» В ответ Эрн обозвал этих критиков (людей своего возраста) «зеленой молодежью» (Устрялов, 2000: 112–113). Однако критиковали Эрна и люди более зрелые.

Против нападков на немецкую культуру выступали З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Д.В. Filosofov. Они явно не хотели порывать со сложившейся интеллектуальной традицией. В октябре 1914 года В.Р. Клот-Гейденфельдт «от лица прибалтийского дворянства» благодарил Д. Filosofova за статью «Под байонетами», опубликованную в кадетской «Речи». Вместе с тем автор письма сообщал, что у него возникают «грустные мысли»: «Неужели на всей Руси не находится ни одного самостоятельного русского человека, осмеливающегося заявить в печати, что эта травля наших немцев недостойна и неправдива». Он заявлял, немцы — верные русские подданные, сохраняющие при этом свою самобытность⁵.

Некоторые реагировали на германофобию крайне эмоционально. М. Цветаева в стихотворении «Германии» взывала:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставляю?
Ну, как же я тебя предам?..

Но такие заявления становились редкостью. Едва ли не вся общественная мысль превращалась в служанку германофобии. Лишь кадетская пресса, следуя внутривосточным аллюзиям, упорно твердила, что война — это столкновение «силы и права».

Современники Эрна вряд ли догадывались, что за их патриотическим философствованием прорывается амбивалентное отношение к собственной власти. Со времен славянофилов русская интеллигенция под видом критики Запада подсознательно выражала свое негативное отношение к бюрократической этизации общественной жизни. Что касается российской власти, то она склонна была видеть в любых выпадах против всего чужого «патриотические» аргументы в

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1619.

свою пользу. Со своей стороны, большинству либералов любое антизападничество казалось реакционным.

Германофобия была многомерна. В ее основе — официальные представления о борьбе германской и славянской рас. В Германии на этот счет высказался канцлер Т. Бетман-Гольвег весной 1913 года (Сазонов, 1927: 185); в России идея «защиты славянства от германизма» впервые была озвучена во время торжественной встречи Николая II 5 августа 1914 года в Москве (Джунковский, 1997: 387). «Утро России» (орган московских прогрессистов) подхватило эти мысли. В церковной прессе призывали «окончательно победить в себе того внутреннего немца, который все еще таится в глубине нашей души...»⁶. Имелся в виду «рационалистический» западный образ мысли, якобы противный «русскому духу».

Практиковались и популярные изложения антинемецких идей. Так, доказывалось, что «славяне никогда не проявляли разрушительных воинственных и завоевательных стремлений», однако им пришлось вести борьбу с германизмом со времен Кирилла и Мефодия. При этом, несмотря на сопротивление экспансии, начатое Александром Невским, ныне «75% славян находятся под пятою немцев» (Викторов, 1914: 2, 4, 12, 115.). Резко поменяли ориентацию германофильствующие российские монархисты. Напротив, профессорско-кадетские издания упорно уверяли, что Россия сражается за «международное право».

За германофобией стоял и некоторый практический интерес — вытеснение остзейского дворянства, ликвидация германской и австро-венгерской собственности и земельных владений немцев-колонистов в России. Сказывалось и давнее противоборство петербургской («западнической») и московской («купеческо-старообрядческой») финансово-промышленных группировок. Все это происходило на фоне массовых депортаций немцев, евреев и всех подозрительных из приграничных районов и достигло своего апогея в московском антинемецком погроме в мае 1915 года в Москве (Булдаков, Леонтьева, 2015: 152–154, 286–291, 335). Разумеется, германофобствующие философы были здесь не при чем.

Сам В. Эрн, следуя за В. Соловьевым, давно подбирался к критике западной философии, уверяя, что «недавний “научный” экстаз позитивизма» напоминает ему сказку о золотой рыбке, в финале которой зазнавшаяся старуха оказывается у разбитого корыта (Эрн, 1914b: 3–4). Все это было в духе времени, которое словно подстегивало интеллектуальные амбиции. Еще до войны в Москве то и дело «вспыхивали столкновения между христианами и неокантианцами», при этом, как уверял С.Н. Булгаков, сам он был «нарасхват» (Кейдан, сост., 1997: 347, 573). А в 1914 году случилось нечто необычное: люди светские заговорили религиоз-

⁶ Церковный вестник. 1914. № 37. С. 104.

ным языком, церковные проповедники, напротив, использовали «научную» аргументацию.

Идеи Эрна стали притчей во языцех. Он выстроил незатейливую логическую цепочку: немецкая культура непрерывна и преемственна, однако до сих пор в России обращали внимание лишь на ее внешнюю, привлекательную сторону. Когда же наступила война, «под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружались хищные кровожадные когти». Россияне не замечали, что «в атмосфере протестантизма с его безусловным приматом “разумности” кантовская фиксация сил и способностей разума была событием чрезвычайной *церковной* важности». Кант провоцировал богоубийство. Согласно Эрну, орудия Круппа, в силу своего «совершенства» стали внуками философии Канта — в них была заложена громадная человеческая энергия, результат самоопределения немецкого духа. И эта крупповская материализованная сила не нуждалась в самооправдании, ибо она осуществляла «законодательство чистого разума в больших масштабах всемирной гегемонии». Из цепи этих сомнительных рассуждений следовало, что разразившаяся война есть столкновение *всемирно-исторических начал*. Причем в этой войне немцы непременно погибнут, и это будет подобно античной трагедии, в которой конечная гибель обусловлена некоей скрытой, часто неведомой виной (своего рода генетическим изъяном). В общем, Эрн утверждал, что «люциферские» энергии человечества «сгрудились в немецком народе» (Эрн, 1991: 309–311, 313–315, 317). В сущности, В. Эрн под видом критики германизма выступал против всего этоса эпохи Просвещения.

Со временем становится ясно, что идеологию прогресса наиболее активно могли подхватить ее неофиты в Германии, пережившей восторги национального объединения, победу в войне с Францией, невиданный экономический подъем и рост народонаселения. Оптимистическая эмоциональность сомкнулась с культом механической силы, «революционные» устремления — с упованиями на мощь военных технологий. Та самая 420-миллиметровая пушка (в обиходе «Большая Берта»), на которую кивал Эрн, как и дальнобойное орудие «Колоссаль», из которого обстреливался Париж, стали не столько военным, сколько психологическим оружием: их боевая эффективность была сомнительна, зато впечатление на христианские души — громадным. В России «Большая Берта» превратилась в некий угрожающий языческий символ.

Конечно, дискурс Эрна раздражал своей прямолинейностью. С.Л. Франк назвал основной его тезис «в высшей степени спорным» (Франк, 1956: 104). Тем не менее в дискуссиях вокруг его заявлений, по мнению Н.А. Бердяева, «чувствовалась обычная склонность к схематизму и упрощению и недостаточное внимание к индивидуальности духовной действительности» (Бердяев, 2004: 73). Бердяев

доказывал, что «германская культура очень сложна». При этом главная и наиболее существенная ее черта — «оторванность от женственного начала, от земли, от природы». Отсюда следовал вывод: «Вся история германского духа — мистика, протестантизм, классический философский идеализм и новейшая философия — есть сплошное отпадение от Истины, от церкви, от земли, от природы. Великие творческие силы пропали даром, пошли на служение неправде». За этим следовали призывы к умственной сдержанности: «Наше мышление не должно быть нарочито и надуманно русским, искусственно избегающим всего германского... Настоящая ложь и греховность германизма — это попытка монополизировать и национализировать истину и правду, объявить истину германской, а правду — выражением германской силы... На этой почве развивается безумное самомнение... Расовое самолюбие и самовлюбленность отвратительны... Не будем им подражать» (Там же: 75–76, 78–79).

Идея империи может притягивать разнородные силы: это могло быть и духовно-религиозное (что преобладало в прошлом), и новейшее рациональное (технологически-мессианское) начало, и всевозможные их комбинации, в которых было легко запутаться (что и случилось в России). Тем временем российские немцы вели себя подчеркнуто патриотично, исходя из чисто практических соображений. Член Государственного совета А. Шиллинг пояснил разницу между «русским» и «немецким» патриотизмом: для русских на первом плане стоит ощущение собственной национальности, а для немцев — государственная принадлежность; для первых это великая битва славян против германцев, для вторых — война России против своих врагов (Цит. по: Морозова, Назарова, 2015: 105). Понятно, что в возможность «рационального» (сдобренного традицией вассалитета) патриотизма с позиций реанимированного «племенного» чувства трудно было поверить.

Вызванная войной психоментальная смута провоцировала неумеренное самомнение. В январе 1915 года В.Ф. Эрн вновь вернулся к Канту в связи с «новой теорией познания». По словам И.А. Ильина, логика его рассуждений была такова: субъект — это мужчина, объект — женщина, знание есть соитие между мужчиной и женщиной. Он представил теорию познания как «половую онтологию»; получалось, что «Кант был евнух и вел флирт с Богом». Разумеется, Эрн был не столь вульгарен. Однако Ильин уверял, что в своем полторачасовом докладе он «разоблачил» Эрна, как «еще никого не разоблачал, ...перервал ему глотку», в результате чего у «некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп...» (Ильин, 1999: 88). Напротив, Эрн считал, что Ильин говорил тоном «невероятной внутренней грубости», «кругом говорили, что Ильин совершенно побит и, главное, морально провален» (Кейдан, сост., 1997: 613). Вряд ли есть смысл допытываться, кто из них действительно проиграл в глазах обще-

ственности, психоэмоциональность которой находила причудливые философские воплощения.

О самом Ильине отзывались нелицеприятно: «Пишет красиво, декламирует красиво, но подлинного чувства, глубокого и скромного, как-то не чувствуется; слишком уж претенциозно и самовлюбленно... У Ильина... пылкость актерская, головная, напускная...; в основе своей он резонер...» (Савин, 2015: 356). А Белый высказывался о нем проще: «...Гегельянец, впоследствии воинственный черносотенец... Ему место было в психиатрической клинике» (Белый, 1990: 279). Сам Ильин не желал «служить войне самыми низшими и элементарными сторонами тела и души». После освобождения от призыва он почувствовал себя «как бы воскресшим» и принялся обдумывать темы двух лекций: «Что есть истинный патриотизм» и «Война как духовное делание» (Ильин, 1999: 80–81).

Во всем этом было что-то противоестественное (если не циничное): с одной стороны кричать о «тевтонских зверствах», с другой — изыскивать в происходящем некое метафизическое начало.

Германофобов разных мастей пытался свести вместе П.Б. Струве. Однако Ильин считал, что он печатает в своей «Русской мысли» «всякую дрянь и не о войне, а о войне печатает даже неприличные пошлости Эрна и Иванова и пустословие Рачинского и Булгакова» (Там же: 84). Между прочим, в свое время Эрн также пытался давить на Струве, добиваясь, чтобы тот превратил журнал в орган «направления». Струве отговаривался⁷, предпочитая, как видно, роль третейского судьи в возникшем философском «винегрете» «научно-духовно-религиозного» осмысления войны (Там же). В общем, все были недовольны всеми по вопросу о понимании смысла войны и российского патриотизма.

В Германии люди творческие подходили к проблемам войны намного проще. Господствовало убеждение, что миролюбивая Германия со всех сторон окружена врагами, а потому война — единственный путь к «вечному миру». Так, обращение «К культурному миру» (Манифест 93-х) виднейших немецких ученых и литераторов состояло из набора антитезисов: «Неправда...» В нем отрицалось даже нарушение немцами нейтралитета Бельгии. М. Алданов в связи с этим едко заметил, что «из 93-х авторов манифеста 12 имеют чин превосходительства, который, кстати сказать, все двенадцать не преминули отметить в своей подписи» (Алданов, 2006: 34). Ученые служили «своей» империи, при этом многие люди творчества рвались на фронт. В марте 1916 года под Верденом погиб один из добровольцев — художник Франц Марк, немного не дождавшийся возвращения с фронта в числе тех деятелей культуры, чье творчество было признано нуж-

⁷ НИОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Д. 71. Л. 1–1 об.

ным для нации. Глядя на его яркие и «добрые» полотна, трудно вообразить, что именно он заявлял, что «война станет прорывом к новой Европе, прорывом, пусть даже и жестоким, но благотворным». Гибли и добровольцы из представителей французской и британской элит (Булдаков, Леонтьева, 2015: 87). Все они, в отличие от своих российских коллег, нашли свое место в якобы справедливой войне.

У Эрна (как и у Ильина) было немало почитателей. «Люди поглупели от теперешних событий... — писал неизвестный автор из Москвы. — У нас находятся умники, которые считают Канта предшественником Круппа, читают лекции о какой-то религиозной миссии России и т.п. чепухе»⁸. В октябре 1914 года в Петроград из Москвы писали: «Теперь, когда все заражены... манией варваризации немца, я с еще большим темпераментом готов отстаивать “Канта”, самым решительным образом отграничивать его от “Круппа”». Предсказывалось также, что может появиться «вера в то, что философия Эрна и Булгакова выше Кантовской и Вунтдовской»⁹. В это же время неуставленный автор из Тулы сообщал в Москву: «Оплевывать Лютера, Канта, как делал Эрн, значит плевать на своих духовных предков. Если бы Соловьев был жив, он бы жестоко отделал Эрна. Антигерманизм, антисемитизм, антиукраинство — это все ягоды одного поля... Чем полнее расцвет антигерманизма, тем ярче распустится юдофобство...»¹⁰ В сущности, именно эта этнофобская тенденция и стала нарастать.

Создавалось впечатление, что часть общественности словно испытала облегчение, отыскав, наконец, источник всех российских бед. Так, член Варшавской судебной палаты в декабре 1914 года в частном письме так отзывался о немцах:

...Как низко пала эта насекомая нация. Как она выродилась... Она должна быть поставлена вне закона, и каждый должен ее бить по бесстыдному, наглому рылу... Несчастье России, что у нас завелось столько этой сволочи на всех ступенях всех ведомств. Гнать их нужно. Немецкий язык совсем уничтожить, пусть на нем лают собаки... Всех немцев надо гнать в Германию, пусть там пухнут от голода. Всех колонистов, толстых, бритых, грубых и тупых, гнать вон из России, а земли их раздать русским...¹¹

В то время как низы с помощью образа врага пытались решить свои социальные проблемы, философская германофобия стала продолжением давних

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1722.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1559.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2085.

панславистских мечтаний. Идея объединения славян под эгидой России ведет свое начало со времен Юрия Крижанича. Не был новым и вопрос о черноморских проливах. Золотой Рог и Константинополь — «все это будет наше... — утверждал Ф.М. Достоевский в 1877 году. — Это случится само собою... время пришло...» (Достоевский, 1983: 65). Словно продолжая его мысль, Е.Н. Трубецкой возвел вопрос о проливах в «центральный вопрос» войны в связи с исторически назревшей необходимостью водрузить крест на Святой Софии (Трубецкой, 1915: 6–7).

В XX веке эта риторика не могла не приобрести империалистического звучания. Европейская война вызвала к жизни редкостные химеры воображения. Эрн писал:

Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести... Распадение Европы, внешнее и внутреннее, на два враждующих стана... совершенно гармонирует с двойственной славянофильской оценкой Европы как “гниющего Запада” и как “страны святых чудес”, и оно может быть понято только с этой славянофильской точки зрения.

(Эрн, 1991: 373, 397)

Ему казалось, что «время славянофильствует». Так же считал и Н.А. Бердяев. Однако он опасался, что «вечно бабьему в русской душе» не будет противопоставлен «мужественный, светоносный и твердый дух» (Бердяев, 1990: 40, 41). Сходным образом оценивали ситуацию и в церковных кругах. «В настоящее время мы имеем дело с замечательным фактом “славянофильства” почти всего нашего общества... — писал доцент В. Беляев, — в самых ортодоксальных, самых доктринерских органах западничества». Правда, затем последовала оговорка, что из «фактического торжества национализма нельзя сделать каких-либо теоретических выводов в его пользу» (Беляев, 1915: 888).

Разумеется, были и противники новоиспеченных славянофилов. «Я — старый воробей-западник, и меня на славянофильской мякине не проведешь», — заявлял П.Б. Струве. Он полагал, что «буржуазная» Германия Вильгельма II пожрала Германию Бисмарка, отмеченную не только прусской военной дисциплиной, но и духовным идеализмом немецкой философии. При этом он уверял: «Я не испытываю ни малейшей ненависти к немцам и именно в этом ощущаю свою патриотическую силу» (Франк, 1956: 69, 105). Увы, со временем тот же Струве заговорил о «Святой Руси» (Струве, 1914: 176–180).

19 марта 1915 года Е.Н. Трубецкой писал М.К. Морозовой:

...Национализм требует, чтобы мы любили только свою народность, и попытка примирить это с христианством — чистейшее безумие — вопреки уверениям русских немцев — всех возможных Бернгардовичей и Францевичей на свете. Для них «русская народность» — имущество благоприобретенное; я понимаю, что они из-за нее из кожи вон лезут и стараются — отсюда их национализм... Нам национализм в лучшем случае бесполезен, а в худшем — вреден, потому что он стирает всякую грань между нами и теми, кто ради своего народа считает все дозволенным.

(Кейдан, сост., 1997: 628)

То, что люди этномаргинального происхождения порой впадают в «патриотический» раж, — явление общеизвестное. В данном случае они, действительно, вольно или невольно спровоцировали очередной виток полемики славянофилов и западников. Однако в основе ее лежал не столько поиск «виновников» войны, сколько болезненная попытка культурной идентификации русской интеллигенции. Ее представителям казалось, что появился шанс определиться в своей «самости».

Идеологический пафос Эрна довольно скоро стал очевиден. Он заявил:

Мы живем в исключительное время — на грани двух эпох. На наших глазах рушатся великие царства и возникают новые, беспредельные мировые возможности. В потоках крови занимается новый, может быть последний день мировой истории... В беспримерных битвах... рождается новое постижение мира, с каких-то звездных высот нисходят новые задачи вселенской значительности, и горе тем нациям, которые в этот великий час испытания окажутся неготовыми и духовно отставшими... По предвечному плану Создателя мира с внезапностью чуда, Россия вдруг была брошена в самую гущу грандиозных событий и заняла ответственнейшее, едва ли не первое место в начавшемся катаклизме европейской истории... Мы смело можем сказать, что не было момента ни в русской, ни в европейской истории, когда вопрос о России, о ее загадочной сущности и о ее великих путях, стал бы с большей остротой и с большей жгучестью, чем теперь... Наступает время, когда Россия должна сказать свое мировое слово... Теперь она выступает в роли вершительницы судеб Европы и от ее мудрости, от ее вдохновения и решимости будет зависеть вся дальнейшая история мира... *Проблема Европы* во всей своей безмерной культурной, политической и религиозной сложности превращается в *практический вопрос русской политики*... С категоричностью

императива требуется и величайшее творческое напряжение нашего народного *разума*... Мы должны... нашим народным разумом перерешить все вопросы европейской культуры, произвести мировой синтез накопившихся противоречий, — этот синтез должен лечь в основу... ослепительного расцвета русской культуры. Вот тогда «всечеловечность» русской души... должна воплотиться в... огромных мировых масштабах...

(Эрн, 1914а)

С этих позиций он выступал против «любителей вчерашнего дня истории, привыкших к умственному обиходу преимущественно немецких точек зрения, в обилии фабриковавшихся в университетских городах Германии», которые, «несмотря на пожар взрывающихся событий, не хотят сходить с насиженных мест и раскрывать глаза на грозные проблемы». Он призывал «ополчиться, прежде всего, против этой внутренней опасности», чтобы не возвращаться после войны «к разбитому корыту российской дряблости, безволия и готовности опять, как в последние десятилетия, идти на буксире европейской истории» (Там же). По иронии судьбы, это было сказано в журнале российских англоманов.

В общем, все походило на отчаянную попытку найти в самодержавной России людей, способных поднять империю на должную высоту. «Бедная наша Россия, нет у нее твердых волей людей, или пьяницы, или такие шатающиеся!» (Кейдан, сост., 1997: 652), — писала М.К. Морозова Е.Н. Трубецкому осенью 1915 года.

«Твердых» людей в России действительно оставалось крайне мало. Привычное поклонение идолу государственности оборачивалось интеллигентским безволием и оскудением элит. Обратной стороной этого феномена и явилась склонность к отвлеченному умствованию, выливающимся в интеллектуальные истерики.

Тогдашним российским мыслителям и публицистам, отчаянно пытавшимся выдать из себя то ли «внутреннего немца», то ли «вечно бабье» в душе, было невдомек, что они тянутся и не дотягиваются до темы, ставшей ключевой для всего XX века, — «разочарование в прогрессе». И для того, чтобы во всей мере осознать, что технологическая цивилизация — это всегда «дорога в ад», понадобились отчаянные разоблачения ее скрытых социально суицидальных интенций со стороны неотрейдившихся. Понятно, что российским наследникам западного позитивизма, сочиняющим свои «откровения» под покровом патерналистского деспотизма и потому имманентно склонным вносить пылкие страсти в свои умствования, этого было не понять. И потому их работы могут служить прекрасной иллюстрацией беспомощности позитивизма перед лицом «неожиданного» свалившегося на Европу хаоса невиданной войны.

Со временем Эрн договорился до того, что «расстройство продовольствия в тыле устраивается по преднамеренному определенному плану нашими [русскими. — В.Б.] германофилами» (Богословский, 2011: 250). «Патриотическая» философия на глазах изумленной публики вырождалась в этнофобскую паранойю. В патерналистской системе иного не могло быть. «Гершензон и Эрн прямо близятся к черносотенству, — комментировал происходящее И.А. Ильин. — Булгаков в одной из своих первых статей уже оплевал петербургских рабочих, западников, защитников Бейлиса, Белинского и политических либералов...» (Ильин, 1999: 84).

Высказался по поводу философской германофобии и М. Горький.

Идут разговоры о духовном слиянии «Великой России» со «Святой Русью», о мистических началах национализма, о миссионизме третьего Рима, о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации..., — комментировал он. — Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова, Булгакова, Эрн, Л. Андреева, Струве и прочих, имя же их — легион. Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники. Противно, как в помойной яме.

(Зильберштейн, Дикушина, ред., 1988: 926)

Через много лет к такому же выводу приходили многие. Спор вокруг «Канта и Круппа» предстал апофеозом долгих идейных блужданий русской интеллигенции. «Мы были не только раздвоены и обескрылены, как Ставрогин “Бесов”, мы были расстроены, расчленены, расчленены. Нам надо было сощутить в себе множество различных ликов и не сойти от этого с ума, — писала поэтесса В. Малахьева-Мирович. — Из них надо было создать себе свое новое “я”...» Однако оказалось, что «никакая философия, никакая донныне установленная догма для видевших крушение “тысячелетних ценностей” не может быть спасительной до конца», она может стать таковой лишь «временно в процессе самособирания и сотворения нового внутреннего мира» (Малахьева-Мирович, 2016: 214). Именно так и случилось.

Миром правили силы, далекие от философского идеализма. Наступило время «восстания масс», требующих своей части общественных богатств. Скачок глобализации, технологизации, урбанизации потребовал новых идей, враждебных всему старому миру. «Собирание» общественного сознания могло произойти на какой-то качественно новой основе.

Философская германофобия не смогла сдержать «варваризации» общественного сознания в воюющей России. Она сама оказалась частью этого процесса.

Влияние религиозных философов, как и православной религии, неуклонно падало. В.Ф. Эрн умер в апреле 1917 года. Судьба избавила его от еще больших разочарований.

Литература

Алданов, 2006 — Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «Интелвак», 2006. 608 с.

Андреев, 1914 — Андреев Л.Н. В сей грозный час. Статьи. Пг.: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1914. 110 с.

Белый, 1990 — Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 2. М.: Худож. лит., 1990. 687 с.

Беляев, 1915 — Беляев В.А. Национализм, война и христианство // Христианское чтение. Ежемесячный журнал, издаваемый при Императорской Петроградской духовной академии. 1915. Июль — август.

Бердяев, 1990 — Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.

Бердяев, 2004 — Бердяев Н.А. Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны. М.: Канон+; Реабилитация, 2004. 384 с.

Богословский, 2011 — Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. 797 с.

Булдаков, Леонтьева, 2015 — Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.

Кейдан, сост., 1997 — Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997. 745 с.

Викторов, 1914 — Виктор С.М. Вековая борьба славянства с миром германским. Киев: Тип. В. Бондаренко и П. Гнездовского, 1914. 16 с.

Данилевский, 2014 — Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.

Джунковский, 1997 — Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 2. 685 с.

Достоевский, 1983 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. 1983. 518 с.

Ильин, 1999 — Ильин И.А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999. 608 с.

Корнелисен, 2007 — Корнелисен К. Фронтовое поколение немецких историков и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во

время Первой мировой войны / отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. СПб.: Нестор-История, 2007. 502 с.

Леонтьева, 2008 — *Леонтьева Т.Г.* Священник, революция, власть: Судьба Андрея Голикова // Долг и судьба историка: сб. ст. памяти д-ра ист. наук П.Н. Зырянова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 222–234.

Зильберштейн, Дикушина, ред., 1988 — Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М.: Наука, 1988. 1079 с.

Малахиева-Мирович, 2016 — *Малахиева-Мирович В.Г.* Маятник моей жизни: 1930–1954. М.: АСТ, 2016. 893 с.

Морозова, Назарова, 2015 — *Морозова Н.В., Назарова Т.П.* Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. 335 с.

Розанов, 1914 — *Розанов Н.П.* Освободительная война. Подольск: Типография Н.А. Тощакова, 1914. 15 с.

Савин, 2015 — *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 / отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.

Сазонов, 1927 — *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж: Сияльская, 1927. 398 с.

Струве, 1914 — *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.

Треушников, 2000 — *Треушников И.А.* Европа и Россия в 1914 г.: смыслы войны (Диалог русских религиозных мыслителей) // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. 311 с.

Трубецкой, 1915 — *Трубецкой Е.* Национальный вопрос. Константинополь и Св. София. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 32 с.

Франк, 1956 — *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. 237 с.

Устрялов, 2000 — *Устрялов Н.В.* Былое — революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.). Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.

Эрн, 1914а — *Эрн В.Ф.* Голос событий // Новое звено. 1914. № 47. 15 ноября. С. 4–6.

Эрн, 1914б — *Эрн В.Ф.* Природа научной мысли. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914. 48 с.

Эрн, 1917 — *Эрн В.Ф.* Разбор Послания Святейшего Синода об Имени Божьем. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1917. 38 с.

Эрн, 1991 — *Эрн В.Ф.* Соч. М.: Правда, 1991. 575 с.

Архивы

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

DAWN WITH KANT! WORLD WAR I AND PHILOSOPHICAL GERMANOPHOBIA IN RUSSIA

Vladimir P. Buldakov — doctor of history, chief researcher at the Institute of Russian history, RAS. 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russian Federation.
E-mail: kuroneko@list.ru

 Abstract. The First World War caused great confusion in the minds of Russian philosophers. One of the most bizarre manifestations of this tendency was an attempt to derive its intellectual roots of German classical philosophy, primarily from the legacy of I. Kant. As a result, the Slavophile stream in the public consciousness took on the character of outright Germanophobia. A provocative role in this was played by the speeches of the young religious philosopher V.F. Ern.

 Keywords: World War I, Germanophobia, L.N. Andreev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, M. Gorky, I.A. Ilyin, P.B. Struve, N.V. Ustryalov, V.F. Ern

 For citation: Buldakov, V.P., 2021. Dawn with Kant! World War I and Philosophical Germanophobia in Russia. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), 101–122. (in Russ.)

 DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-101-122

References

- Aldanov, M.A., 2006. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of contemporaries]. Moscow: NPK "Intelvak" Publ.
- Andreev, L.N., 1914. *V sei groznyi chas. Stat'i* [In this terrible hour. Articles]. Petrograd: "Prometei" N.N. Mikhailova Publ.
- Belyaev, V.A., 1915. *Natsionalizm, voina i khristianstvo* [Nationalism, war and Christianity]. *Khristianskoe chtenie. Ezhemesyachnyi zhurnal, izdavaemyi pri Imperatorskoi Petrogradskoi dukhovnoi akademii* [Christian reading. Monthly magazine published at the Imperial Petrograd Theological Academy]. Jul. — aug.
- Belyi, A., 1990. *Nachalo veka. Vospominaniya* [The beginning of the century. Memories]. 3 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Berdyayev, N.A., 1990. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
- Berdyayev, N.A., 2004. *Futurizm na voine. Publitsistika vremen Pervoi mirovoi voiny* [Futurism at War. World War I journalism]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya Publ.
- Bogoslovskii, M.M., 2011. *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum]. Moscow: Vremya Publ.
- Buldakov, V.P., Leont'eva, T.G., 2015. *Voina, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that gave birth to the revolution]. Moscow: Novyi khronograf Publ.
- Danilevskii, N.Ya., 2014. *Rossiya i Evropa. Epokha stolknoveniya tsivilizatsii* [Russia and Europe. The era of the clash of civilizations]. Moscow: Algoritm Publ.
- Dostoevskii, F.M., 1983. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] 30 vols. Vol. 25. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ.
- Dzhunkovskii, V.F., 1997. *Vospominaniya* [Memories]. 2 vols. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ.
- Ern, V.F., 1914a. *Golos sobytii* [Voice of events]. *Novoe zveno* [New link], 47, 15 nov.
- Ern, V.F., 1914b. *Priroda nauchnoi mysli* [The nature of scientific thought]. Sergiev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry Publ.
- Ern, V.F., 1917. *Razbor Poslaniya Svyateishhego Sinoda ob Imeni Bozhem* [Analysis of the Epistle of the Holy Synod about the Name of God]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoi Publ.
- Ern, V.F., 1991. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda Publ.
- Frank, S.L., 1956. *Biografiya P.B. Struve* [The Biography of P.B. Struve]. New-York: Izdatel'stvo imeni A.P. Chekhova Publ.
- Il'in, I.A., 1999. *Sobranie sochinenii: Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903–1938)* [Collected works. Diary. Letters. Documents (1903–1938)]. Compiled and commented by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaya kniga Publ.

Keidan, V.I. ed., 1997. *Vzyskuyushchie grada. Khronika chastnoi zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh* A.S. Askoldova, N.A. Berdyaeva, S.N. Bulgakova, E.N. Trubetskogo, V.F. Erna i drugikh [Seeking the Sity. Chronicle of the private life of Russian religious philosophers in the letters and diaries of A.S. Askoldov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, V.F. Ern et al]. Compiled, prepared of text, introductory article and commentaries by V.I. Keidan. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.

Kornelisen, K., 2007. Frontovoe pokolenie nemetskikh istorikov i Pervaya mirovaya voina [Frontline Generation of German Historians and the World War I]. In: *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoi mirovoi voiny* [Science, technology and society of Russia and Germany during the World War I]. Edited by E.I. Kolchinskii and D. Bairau. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.

Leont'eva, T.G., 2008. Svyashchennik, revolyutsiya, vlast': Sud'ba Andreya Golikova [Priest, revolution, power: the fate of Andrei Golikov]. In: *Dolg i sud'ba istorika: sbornik statei pamyati doktora istoricheskikh nauk P.N. Zyryanova* [The duty and fate of the historian: a collection of articles in memory of Doctor of Historical Sciences P.N. Zyryanova]. Moscow: ROSSPEN Publ. 222–234.

Malakhieva-Mirovich, V.G., 2016. *Mayatnik moei zhizni: 1930–1954* [The pendulum of my life: 1930–1954]. Moscow: AST Publ.

Morozova, N.V., Nazarova, T.P., 2015. *Evolyutsiya "obraza vraga" v soznanii russkogo obshchestva v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam tsentral'noi pechati)* [The evolution of the "enemy image" in the minds of Russian society during the World War I (based on materials from the central press)]. Volgograd: Volgogradskii GAU Publ.

Rozanov, N.P., 1914. *Osvoboditel'naya voina* [War of liberation]. Podol'sk: Tipografiya N.A. Toshchakova Publ.

Savin, A.N., 2015. *Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917* [University affairs. Diary 1908–1917]. Edited by A.K. Gladkov; compiled, introductory article by A.V. Sharova. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.

Sazonov, S.D., 1927. *Vospominaniya* [Memories]. Parizh: Siyal'skaya Publ.

Struve, P.B., 1914. Velikaya Rossiya i Svyataya Rus' [Great Russia and Holy Russia]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 12, 176–180.

Treushnikov, I.A., 2000. Evropa i Rossiya v 1914 godu: smysly voiny (Dialog russkikh religioznykh myslitelei) [Europe and Russia in 1914: the Meanings of War (Dialogue of Russian Religious Thinkers)]. In: *Homo belli — chelovek voiny v mikroistorii i istorii povsednevnosti: Rossiya i Evropa XVIII–XX vekov* [Homo belli — a man of war in microhistory and the history of everyday life: Russia and Europe of the 18th–20th centuries]. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr Publ.

Trubetskoi, E., 1915. *Natsional'nyi vopros. Konstantinopol' i Svyataya Sofiya* [National question. Constantinople and St Sophia]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina Publ.

Ustryalov, N.V., 2000. *Byloe — revolyutsiya 1917 goda (1890–1919). Vospominaniya i dnevnikovye zapisi* [The past — the revolution of 1917 (1890–1919). Memories and diary entries]. Moscow: Ankil Publ.

Viktorov, S.M., 1914. *Vekovaya bor'ba slavyanstva s mirom germanskim* [The eternal struggle of the Slavs with the German world]. Kiev: Tipografiya V. Bondarenko i P. Gnezdovskogo Publ.

Zil'bershtein, I.S., Dikushina, N.I. eds, 1988. *Literaturnoe nasledstvo. Tom 95: Gor'kii i russkaya zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaya perepiska* [Literary heritage. Vol. 95: Gorky and Russian Journalism of the Early 20th Century: Unpublished Correspondence]. Edited by I.S. Zil'bershtein, N.I. Dikushina. Moscow: Nauka Publ.